

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Мариям АРПЕНТЬЕВА

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Статья посвящена рассмотрению особенностей изучения социально-психологического консультирования как одной из основных технологий социальной работы в России, включая проблемы разработки дефиниций и единой концепции социально-психологического консультирования, его связей с клинико-психологическим и возрастно-психологическим консультированием. Рассматриваются основные интенции социально-психологического консультирования как сферы человеческих отношений, взаимодействия и взаимопонимания.

Ключевые слова: *социально-психологическое консультирование, психотерапия, шаманизм, целительство, взаимопонимание.*

CONSILIEREA SOCIAL-PSIHOLICĂ

Articolul este dedicat examinării caracteristicilor și problemelor privind consilierea social-psihologică ca una dintre principalele tehnologii de asistență socială în Rusia. Sunt abordate și problemele ce vizează definirea conceptului de consiliere social-psihologică, privind dezvoltarea ei, raportul dintre aceasta și consilierea clinico-psihologică. Acestea sunt tratate prin prisma relațiilor umane, interacțiunii și înțelegerii reciproce.

Cuvinte-cheie: *consiliere social-psihologică, psihoterapie, șamanism, vindecare, înțelegere reciprocă.*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL COUNSELLING

The article is devoted to consideration of the characteristics and problems of the study of socio-psychological counselling as one of the key technologies of social work in Russia, including problem definition and development of a unified concept of socio-psychological counselling, its relationships with clinical-psychological and age-psychological counselling. Discusses the main challenges and intentions of socio-psychological counseling as a sphere of human relations, cooperation and understanding.

Keywords: *socio-psychological counselling, psychotherapy, shamanism, healing and understanding.*

Социально-психологическое консультирование в России и за рубежом – явление, разнообразное по своим формам, видам и моделям, не вполне осмысленное и освоенное практиками и теоретиками. Общая «психологизация» социальных отношений, повышение психологической культуры граждан сочетается с размытостью норм и требований к профессиональной компетентности профессионала, неопределенностью представлений клиентов о их роли и нормах поведения при консультировании. Все это создает предпосылки для возникновения широкого спектра моделей консультативного общения и отношений и имитаций социально-психологической помощи, актуализируя необходимость выработки целостного представления о сути и критериях социально-психологического консультирования. Наиболее распространенным на сегодняшний день является определение социально-психологического консультирования как процесса, связанного с созданием психологом-консультантом в ходе специально организованной беседы условий для развития клиента как субъекта социальных взаимодействий [1-3]. Несмотря на многочисленность и, вместе с тем, разрозненность частных и фундаментальных зарубежных и отечественных исследований сути социально-психологического консультирования, метааналитический, методологический анализ современными отечественными и зарубежными исследователями его наиболее значимых феноменов позволяет сформулировать представление о консультировании как сфере человеческих отношений, проявляющихся в общении клиента и консультанта («практике консультирования»), ценностных основаниях социально-психологической помощи («теории консультирования»), в понимании субъектами консультирования самих себя, друг друга, ситуаций взаимодействия. Первые две реальности выступали предметами специальных исследований преимущественно в общепсихологических работах, третья – проблема взаимопонимания, отражающая внутренние аспекты становления и развития консультативных отношений, до сих пор развернутого осмысления не получила [3, 4].

Как область консультативной психологии социально-психологическое консультирование существует как таковое наряду с другими областями, в том числе с возрастно-психологическим и клинико-

психологическим консультированием. *Возрастно-психологическое консультирование* предполагает психологическую помощь людям по поводу проблем, возникающих в ходе возрастного развития и обучения, используя в процессе помощи клиентам закономерности и психотехнологии, активизирующие механизмы возрастного развития. *Клинико-психологическое консультирование*, во многом отождествляемое с психотерапией, предполагает психологическую помощь в связи с серьезными нарушениями функционирования и развития психических функций личности, используя в процессе помощи клиентам закономерности и технологии, активизирующие восстановительные (реабилитационные) процессы. Социально-психологическое консультирование, нередко отождествляемое с концептом «консультирование», фокусируется на проблемах взаимоотношений человека с собой и миром, рассматривая эти отношения и как источник проблем, и как путь к их преодолению. Однако поскольку нарушения отношений констатируются и в ситуации возрастных кризисов, и в ситуации психических нарушений, постольку можно говорить не просто о социально-психологическом консультировании, но о социально-психологическом подходе в консультировании. Формирование данного подхода в области консультирования как сферы профессиональной деятельности и модели помогающих взаимоотношений человека и общества до сих пор не завершено. Социально-психологическое консультирование как эдологическая практика, сфера профессиональной деятельности, формируется на «стыке» двух других областей: медицинской помощи и психотерапии и социальной работы. При этом социальная работа, несмотря на то, что она выступает как относительно новый, малоизученный феномен, демонстрирует тенденцию к теоретической экспансии в самые разные сферы профессионального взаимодействия и жизнедеятельности людей, выступая как «родовой» по отношению к ним феномен.

Если рассматривать попытки осмысления социально-психологического консультирования, то оно рассматривается разными исследователями и практиками по-разному [1; 2; 3; 19]:

1) в контексте деления консультирования на краткосрочные и долгосрочные формы помощи, связанные с разными типами клиентов и их проблемами, а также с различными целями и технологиями. Внимание исследований данной группы обращено к изучению соотношений феноменов самопонимания клиента и понимания клиентом психолога, к проблемам барьеров (взаимо)понимания, индоктринации и сопротивлений пониманию и изменениям у клиентов, проблемам, соотношению ориентаций консультанта на понимание и изменение, их проявлениям в преобразующем диалоге и его результатах;

2) в контексте выделения форм индивидуальной, групповой и межгрупповой (в том числе семейной, общинной, организационной) работы, при рассмотрении особенностей которых акцентируются различные ролевые позиции и механизмы, возможности и ограничения преобразующего диалога. Внимание исследователей данной группы обращено к изучению условий и результатов взаимопонимания как механизма взаимопомощи, возможностей и ограничений понимания субъектами себя и окружающего мира;

3) в контексте выделения форм консультирования, в связи с его функциями: коррекционно-обучающей, информационно-диагностической и посреднической, сопровождающе-развивающей (сопровождающей саморазвитие и самопомощь), при сравнительном рассмотрении особенностей которых акцентируются различия ценностно-смысловых контекстов, возможности и ограничения преобразующего взаимодействия, осуществляются попытки выделения метаконцептуальных, инвариантных для разных форм феноменов преобразующего диалога. Штудии выделенной группы направлены на изучение возможностей и ограничений (развития) понимания человеком себя и окружающего мира в гармонизации его отношений и взаимодействия с другими людьми, к ценностно-смысловым аспектам («метанавыкам») консультативного взаимодействия как взаимопонимания, отражающим «метаусловия» и определяющим «метарезультаты» консультирования;

4) в контексте выделения и сравнения различных «психотерапевтических школ», описания их содержательных (понятийно-смысловых) и процессуальных (механизмов преобразования) особенностей, условий и показателей продуктивности/ эффективности. Особый интерес представляют процессы индоктринации (как трансляции инопонимания) и основанных на индоктринации трансформаций (разных сфер) жизнедеятельности субъектов, специфических для разных школ форм достижения, уровней и проблем взаимопонимания клиента и консультанта;

5) в контексте выделения различных сфер социально-психологического консультирования: организационное и управленческое консультирование, консультирование в социальной работе, включая кризисное консультирование, социально-психологический тренинг и профессиональное, в том числе супервизорское консультирование, при сравнительном рассмотрении особенностей которых акцентируются различия целей, технологий, консультантов (их профессиональной подготовки и позиции) и клиентов (их проблем и типов). Внимание исследователей данной группы обращено к изучению особенностей, компонентов и механизмов понимания субъектами себя и окружающего мира в контексте и вне контекста консультирования, к изучению возможностей и ограничений, условий и результатов «переноса» изменений в осмыслении себя и мира, достигнутом в консультировании, в практику повседневных отношений, к изучению условий и результатов трансформаций понимания себя и мира.

Таким образом, консультирование как социально-психологический феномен предстает как сложное, полиморфное явление, связанное с оказанием помощи разным группам клиентов в решении проблем их отношений с собой и миром: внутриличностного, межличностного, а также внутригруппового и межгруппового функционирования, развития и восстановления (абилитации и реабилитации). С развитием теории и практики социальной работы усиливается тенденция рассмотрения социально-психологического консультирования в качестве компонента эдологии как науки и практики помощи человеку человеку, в контексте проблемы построения и развития человеческих отношений, в том числе такого их феномена, как взаимопонимание. Преобразующий диалог, связанный с достижением и развитием взаимопонимания, понимания себя и мира субъектами взаимодействия, типичный для социально-психологической модели, отличен от клинической беседы в клинко-психологическом консультировании (психотерапии), ориентированной на диагностическое и воздействующее («воздейственное») понимание консультантом клиента, индоктринацию клиента как трансляцию и обучение консультантом клиента как пациента организованным в «психотерапевтический миф» смыслом болезни и излечения, способам осмысления и преобразования его проблем и нарушений. Клиенты в контексте социально-психологического консультирования, в отличие от клинко-психологического консультирования и психотерапии, рассматриваются не как пациенты, страдающие от дисфункций психических процессов (деятельности) или даже органических причин их нарушений, нуждающиеся в помощи врача-психотерапевта, но как клиенты, стремящиеся исправить более или менее выраженные, осознанные, обширные и глубокие проблемы социального функционирования и развития, которые проявляются в отношении индивидуальных и групповых субъектов к самим себе и/или к окружающим их субъектам, миру в целом (на внутреннем или внешнем по отношению к личности или группе уровнях). Т.о., клиенты могут стремиться уменьшить диссонанс или деформацию, восстановить гармонию внутренних и внешних отношений, развивать себя и отношения с миром, реализуя себя (в процессе самореализации) и предоставляя возможности реализоваться окружающим, преобразовывая жизненные ситуации.

Что касается медицинской, собственно психотерапевтической помощи, являющейся историческим «источником» социально-психологического консультирования, то нужно отметить все большее обособление и вместе с тем тенденцию к экспансии социально-психологического подхода в теорию и практику клинического, психиатрического и психотерапевтического взаимодействия, а также к экспансии социальной работы в теорию и практику медицины в целом, формирования социально-медицинской работы, в которой, как и в социально-педагогической работе, ведущим моментом является психологическое консультирование (краткосрочное или долгосрочное). Выполняя свои собственные задачи, социально-психологическое консультирование позволяет преодолеть усеченность диагностики и помощи (лечения) в медицинской психотерапии и психиатрии, для которых типичен клинический редукционизм – игнорирование социально-психологических факторов нарушений.

Насколько важен учет социально-психологических аспектов помощи людям, демонстрирующим те или иные признаки нарушений или затруднений (общую или парциальную социально-психологическую некомпетентность) во взаимоотношениях с обществом, с людьми, с самими собой, говорят современные концепции психосоматики, «антипсихиатрии» и целительства, противопоставляющие «объектному» подходу к человеку, его ограничениям и ошибкам, преобразующий диалог. Это существенно расширяет круг проблем и клиентов, которым может быть оказана помощь, изменяет сам контекст, смысловые акценты, рассмотрение проблем клиентов. Социально-психологическое консультирование характеризуется, т.о., широкой ориентацией: групп проблем и клиентов, которым оказывается

помощь, парадигм помощи и лежащих в их основе эпистемологических оснований. Рассмотрение различных проблем и работа с самыми разными группами клиентов предполагает выход за пределы ситуации индивидуальной жизнедеятельности, ее рассмотрение в широком социальном контексте, что выступает базовым императивом психосоциальной работы.

С социально-психологической точки зрения трудные ситуации, становящиеся причинами психологических страданий клиентов, включают внутрличностные, межличностные и межгрупповые социально-психологические конфликты и нарушения, возникающие в связи с рядом проблем [2, 5]:

1) макросоциальные кризисные стрессовые ситуации, связанные с катастрофами, терактами, войнами, стимулирующие возникновение трансординарных нарушений типа вины выжившего, «стокгольмского синдрома», посттравматических стрессовых расстройств;

2) социальное насилие, столкновение человека с частной и государственной преступностью, активизирующие нарушения, связанные с переживаниями социального каннибализма, беззащитности и отсутствия контроля, опыт рабства и виктимизации;

3) проблемы и конфликты религиозно-нравственных и межкультурных отношений, активизирующие нарушения, связанные с переживаниями отчуждения, агрессии, несправедливости, расовой, национальной и религиозной дискриминации;

4) отклоняющееся поведение, преступность и правонарушения, активизирующие, как и предыдущие, экзистенциальный кризис и ярко выраженные нарушения, связанные с переживаниями агрессивной неудовлетворенности собой, миром, стремления отомстить миру, «взять от жизни все»;

5) терминальные заболевания и связанные с ними состояния (комы, изоляции и т.д.), переживание потерь (смертей) близких людей, активизирующие нарушения понимания себя и мира, а также работу механизмов компенсации или восстановления по поводу обратимых, и горевания – по поводу необратимых потерь;

6) инвалидность, хронические психосоматические и психические нарушения и заболевания, алкоголизм и наркомания, активизирующие нарушения внутрличностного и межличностного функционирования, препятствующие нормальному развитию и способствующие различным искажениям развития, включая инволюционные ресоматизации, психопатии и т.д., ставящие перед человеком задачи поиска продуктивных защит и стратегий совладания с болезнями, исследования нужд и трансформации желаний в целях прояснения и изменения взаимоотношений с миром и с собой;

7) социально-экономическая нужда и бедность, безработица и профессиональная дезадаптация, активизирующие переживания, связанные с лишением доступа к реализации собственных ресурсов, сознательный или бессознательный отказ от связей с обществом и профессиональных отношений, включая феномены «дауншифтинга», создания симулякров, маргинализацию, требующие пересмотра «потребительского» и «творческого» отношений человека к себе и миру;

8) сексизм как половая дискриминация и насилие, искажения гендерных и половых ролей и жизнедеятельности, активизирующие проблемы и переживания неудовлетворенности в семейной и профессиональной жизни, необходимость пересмотра семейных и родовых сценариев и опыта взаимоотношений на уровне структурных и процессуальных шаблонов жизнедеятельности;

9) одиночество детей, взрослых, пожилых, их бездомность, отсутствие семьи или проблемы семейных взаимоотношений, разводов и т.д., активизирующие переживания по поводу невозможности подтверждения и разделения, связанные с отсутствием близости и изоляцией, невозможностью понимания, помощи и изменений в себе и значимых (близких) других, побуждающие к поиску и пересмотру внутренних оснований (смыслов) жизнедеятельности;

10) проблемы кризисов возрастного, личностного и духовного развития, «экзистенциальной фрустрации», межвозрастного взаимодействия, «эйджизма», взаимодействия личностей и групп, отличающихся по своим духовно-нравственным ориентациям, зрелости;

11) профессиональное консультирование, включая академическое консультирование и консультирование в различных профессиональных контекстах, например – политическом, управленческом и т.д. по поводу выбора профессии, обучения, профессионального функционирования и развития в организации и вне нее, нарушения взаимодействия профессионалов с организацией, клиентами;

12) проблемы организационно-управленческого плана, коучинг нововведений и антикризисных, развивающих программ, сопровождение процессов управления карьерой и кадрами в организации и т.д.

Проблемы, с которыми сталкиваются клиенты, могут быть охарактеризованы как проблемы, связанные преимущественно с нарушениями и затруднениями понимания социальных ситуаций, себя или окружающих людей в интимно-личностном, деловом и других видах отношений, локализованные на ценностно-ролевых, смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности.

Типологизация ситуаций социально-психологического консультирования на основании различий стоящих перед клиентами проблем позволяет выделить следующие виды консультирования:

1) обращенных к решению проблем (конфликтов и расхождений, выгорания и перенапряжения, деформаций и деструкций) внутриличностного и межличностного уровней;

2) по разрешению проблем социально-психологического функционирования и его восстановления (психологической защиты и совладания с жизненными трудностями), социально-психологического развития (самореализации и наставничества) в сфере семейных, профессиональных и иных отношений;

3) по поводу травмирующих (внешних) экстремальных ситуаций, возникающих в межличностных «объектных» и межсубъектных отношениях, по поводу внутриличностного (внутригруппового) кризиса, связанного с «экзистенциальной фрустрацией» и задержкой (нежеланием) развития;

4) направленных на трансформацию жизненных ценностей и интенций, моделей общения, фокусов и способов понимания себя и окружающего мира клиентов.

Рассматривая проблему специфики социально-психологического консультирования как помогающего взаимодействия, типологий нарушений сознательных или неосознанных противодействий в помогающем диалоге, современные исследователи выделяют несколько типов социально-психологических, в том числе межличностных отношений, в частности – противопоставляют потребительское и помогающее отношение людей (и их групп) друг к другу, выраженность которых варьирует, образуя континуум, включающий следующие типы: 1) избегание чужих проблем и нежелание оказывать помощь, 2) помощь в обмен на помощь, калькуляция услуг, 3) старание понять других людей и помочь им, 4) стремление к решению своих проблем под видом помощи другим, лжепомощь. Исследователи отмечают, что различные виды лжепомощи могут быть рассмотрены в связи с проблемой агента (agency problem) – выполнения консультантом деятельности в интересах общества, клиента, самого себя или третьих лиц, а также в связи с проблемой моральной угрозы, риска (moral hazard): нежеланием и неспособностью специалиста работать с ценностно-смысловыми коллизиями и противоречиями, включая более или менее выраженные противоречия интересов клиента, консультанта, общества. Так, помогая клиенту, активизируя и фасилитируя (облегчая) его изменения, психосоциальный работник сталкивается с тем, что социальная работа не исчерпывается оказанием помощи людям, попавшим в беду, но представляет собой инструмент общественной власти: сферу столкновения интересов клиента и общества, социальной службы и государства. Часто речь идет о возможности насильственного вмешательства в жизнь клиента, о деформациях в развитии и деятельности работников социальных служб или государства, возникновении состояния типа «психологического сгорания», профессиональных деформаций.

Социальные конфликты или внутриличностные конфликты и проблемы, которые часто приходится решать человеку, – это конфликты, связанные с выбором: реализовывать ценности социума, группы (частные) или реализовывать общечеловеческие ценности. Противодействие профессиональным деформациям связано с умением извлекать опыт из происходящего, осмысливать действующие и возникающие во взаимодействии мотивы, определяющие и трансформирующие ценности и перспективы жизнедеятельности человека или организации. Что касается проблемы власти, то исследователи относят ее к вопросам «харизмы», лидерства и агрессии. Харизма и «конгруэнтное лидерство» не являются самоцелью специалиста. Они могут лишь привлекать к психологу клиентов, нуждающихся в создании более прочных, чем у них есть, «опор жизни», однако целью консультанта не является стать опорой клиента вместо него самого, но помочь клиенту стать «терапевтом самому себе». Консультант нуждается в том, чтобы проработать свои представления о лидерстве и власти, осмыслить «глубинную демократичность» своей жизни и жизни клиентов, включить свои особенности и потребности в этой сфере в поток жизнетворчества, уметь «танцевать» свое лидерство, а не сомневаться по поводу его «негативности» или, напротив, сверхценности. «Танец» лидерства предполагает проявление и осознание скрытых структур, сохранение и формирование естественного потока в отношениях, равенство людей как танцующих, выступающее как способ коррекции и профилактики различных

форм психопатологии и затруднений в развитии. Говоря об агрессии, исследователи отмечают, что агрессивность есть мера непонимания. Декларирующие и идеализирующие свою «клиентцентрированность» и паритетность гуманистические подходы, явно или неявно «загоняющие садиста в тупик», подчас более директивны и асимметричны, чем бихевиоральные и парадоксальные «принудительные» подходы: первые «превращают тупик в выход», а вторые делятся пониманием сути происходящего. Вопрос о принуждении и власти – вопрос о роли консультанта: он «посредник и двойной агент». Функция консультанта, независимо от исповедуемой им концепции, состоит в том, чтобы сочетать интересы и нормы клиента с интересами и нормами общества; консультант – «союзник» и «соучастник» клиента, и в то же время – «представитель» общества, что необходимо обуславливает не только его сопереживание и близость клиенту, но и критичность и дистанцию в общении с клиентом [7; 8]. Психологическое своеобразие отношений клиента и консультанта в значительной степени определяется тем, что они складываются в процессе специфического, в ролевом смысле «закрепленного» общения, включающего ряд клише. В реальной ситуации общения клише оказываются сконцентрированными и синхронизированными так, что проявляются в подчас внешне немотивированной форме. Особенно ярко это наблюдается в контексте вопроса о дистанции взаимодействия. Немотивированная на эмпирическом уровне, она закономерна в культурно-историческом контексте (профессиональная кастовость и сакрализованность деятельности специалистов помогающих профессий в человеческом обществе), а также в контексте функционально-целевого взаимодействия (ролевое неравенство, обозначающее ведомость исцеляемого). Поэтому одно из базовых требований к профессионалу состоит в необходимости знать границы своих профессиональных возможностей, понимать самого себя. В этом смысле, отмечают исследователи, нет проблемы «клиент - не клиент», есть проблема «консультант - не консультант». Это предполагает обучение навыкам диалога, продуктивного осмысления себя и других людей, проблемных ситуаций, жизнедеятельности.

Еще один важный ракурс исследования проблемы помощи – наличие эффекта плацебо, «фиктивного лечения», и/или преодоление ситуации и проблем взаимоотношений их развития человеком без помощи специалистов. Подчеркнем важность со стороны клиента/пациента веры социальному работнику, консультанту, психотерапевту, врачу. Изучая в разной мере успешные и неуспешные случаи помощи, отметим, что клиент в состоянии помочь, исцелить себя сам и что плацебо изменяет измененное поведение клиента, который выздоравливает благодаря тому, что перестает играть роль «больного». Существование эффекта плацебо, связанного с усвоением клиентом «идеи медицины» или «идеи консультирования» и с «бифуркационной эффективностью» плацебо, открывает путь к шарлатанству и «плацебофобии», отражающей сомнения клиента как в самом консультанте, так и в предлагаемой им помощи, готовность и неготовность клиента к диалогу и принятию помощи.

Отношения принятия помощи исследуются, в основном, в рамках проблемы сопротивления (сопротивление воздействию и изменениям ценностно-смысловой позиции и других компонентов жизнедеятельности, инновациям, сопротивление совместной работе, ее прогрессу и окончанию в психоанализе, механизмы уклонения и «нарушений на границе контакта», адаптационное сопротивление и интерференции в осознании, отчуждение и отказ от изменения самопонимания и понимания мира в гуманистической и гештальтпсихологии), затрудненного и конфликтного общения и барьеров понимания, особенно в психоаналитической традиции, для которой эта проблема является классической, а также экзистенциально-гуманистической традиции с ее знаменитым постулатом С.Кьеркегора: «Ад – это другие». Эти концепты и идеи раскрывают противоречивость стремления личности изменяться и оставаться прежней, открываться помощи и пониманию и избегать самораскрытия и угрожающего защитам и целостности воздействия, быть благодарной или завидовать и стремиться компенсировать свою неполноценность за счет консультанта, так же как консультант может использовать клиента, чтобы преодолеть свою неполноценность, мнимый «альтруизм». «Заговор» или, скорее, «договор» о том, чтобы саботировать консультативный процесс, избегать самораскрытия или взаимного раскрытия, а также ответственности за отказ понимать друг друга и изменений может поддерживаться обеими сторонами [10].

Возникновение ситуаций затрудненного общения – объективное явление, обусловленное особенностями развития личности в определенной социокультурной среде, социально-психологической природой общения, механизмами взаимопонимания. Рассматривая «затрудненное общение», часто

указывают на субъективную природу трудностей общения, подчеркивая, что следствием этих «субъективных трудностей» является объективная картина затруднений: от легких сбоев и трений до конфликта между партнерами. Идея субъективной природы «трудностей общения» ведет к поиску индивидуальных, личностных детерминант осознания и переживания затруднений, к суженному пониманию природы трудностей общения – попыткам оценивать реальные, объективные «трудности общения» на основе соотнесения наличного общения с его оптимальной моделью, в основе которой лежат параметры общения, отражающие позицию каждого из исследователей. Консультант стремится к познавательной и интерактивной совместимости с клиентами, удержанию в своем понимании множественных позиций и точек зрения. Для консультанта важно осознание того, что несоответствие общения партнеров заданным параметрам «оптимального общения» приводит к затруднениям, снижает его эффективность, в том числе в сфере профессионального общения, ставит задачу поиска интегральных личностных и межличностных феноменов – базовых факторов затрудненного или оптимального общения. Субъект начинает рассматриваться не просто как источник определенного общения, а как субъект, вносящий объективные изменения в общение, представленный в качественно своеобразных отношениях к себе и другим людям. Отношение к другому и к себе как к объекту, непризнание уникальности «Я» и «Другого», ограничение свободы выбора способов понимания и моделей поведения заданными рамками, профессиональными или иными «концептуальными» ориентирами общения расценивается как неэффективное, неоптимальное, разрушающее личность и межличностные отношения, то есть как и объективно, и субъективно затрудненное общение. Субъекты такого общения – индивиды, для которых характерно сочетание объектного, неценностного отношения к другому и к самому себе, с низким уровнем понимания себя и другого. Условием такого – диалогического – типа общения является обычно принцип взаимности: ценностно осмысленное, личностное отношение, открытое обращение – глубокое и разностороннее понимание обоих партнеров. Однако модели общения, которые выстраиваются на основе идей конгруэнтности (как взаимосоответствия), вносят элементы деиндивидуализации общающихся, приводя в общении к «неадаптивным исходам». Неизбежность в общении неадаптивных исходов означает, что для субъекта затрудненного общения не характерна «неадаптивная активность». Компетентное, успешное общение начинает выступать как общение, субъекты которого «осознанно нарушают правила компетентного общения». Варианты отношений располагаются в рамках континуума 1) отказ от помощи, демонстрация форм избегающего поведения; 2) сопротивление помощи, демонстрация форм замещающего (изменения) поведения; 3) стремление оплатить помощь, вернуть ее; 4) принятие помощи и реальное изменение, благодарность; 5) ориентация на получение помощи, ожидание помощи от других. В исследованиях различных школ психотерапии и консультирования выделяются типологии и типические ситуации и формы сопротивления, описывается их смысл как затруднений и условий успешности консультирования.

Кроме отношений помощи, ее принятия и потребительства, исследователи указанных и других направлений выделяют, как правило (противопоставляя отношения доверия, партнерства и близости и отношения отчуждения, недоверия и манипуляций и связанные с ними «трансинформационные», или смысловые, и дезинформационные, или квазисмысловые, интенции), различные виды отношений: 1) доверяющих себе и другим, 2) недоверяющих другим и доверяющих себе, 3) недоверяющих себе и доверяющих другим, а также 1) искренних и правдивых, укрепляющих доверие, 2) иллюзорных, 3) имитирующих, 4) обманывающих и разрушающих доверие, исходя из намерений не причинять или причинить ущерб. В традиционном взгляде на психологическое консультирование и психотерапию превалирует идея о том, что их успех основан на отношениях доверия, искренности и партнерства. Однако реальная практика и ее исследования говорят о том, что консультирование содержит значительную долю манипуляции, в том числе в процессе трансляции клиенту психотерапевтических мифов каждой из моделей консультирования, что оно есть «оздоровление заблуждением», мистификациями и мистическими интерпретациями, объединяющими в себе «трансинформационные» (обращенные к истинному) и дезинформационные (обращенные к ложному) интенции. При этом есть две возможности. Первая – критика консультирования, психотерапии и психиатрии в рамках «антипсихиатрии» и «антипсихотерапии». Вторая – использование манипулятивных приемов, их встраивание в психотерапевтические подходы, например, в парадоксальной ими манипуляционной психотерапии, либо исследование смежных практик типа шаманизма, целительства, религиозной исповеди, молитвы

и медитации, мистерии и т.д., а также парадоксов консультативного взаимодействия. В некоторых случаях ситуация столь конфликтна, что для ее разрешения привлекается общество в целом, как это случилось, например, с дианетикой, моделью В.Эрхарда и другими подходами «ургентного» (неотложного) решения проблем, опирающимися на веру в то, что есть один метод, действенный для всех (golden hammer fallacy) и требующий от клиента «стать как все». Интересным моментом этих исследований являются тенденции психосемиотического и метапсихотехнического анализа консультирования, попытки 1) выявления и освоения «слепых пятен» и зон, кажущихся неподвластными изменению в консультативном взаимодействии; 2) выявления и трансформации зон более или менее намеренной деструктивности субъектов, противодействующих пониманию, изменениям, отношениям; 3) выявления наиболее общих, метаисторических и метакультурных, трансэпистемических или трансмодульных или хотя бы эклектических для психологического консультирования феноменов, метатехнологий, позволяющих сделать любое взаимодействие с клиентом успешным.

Особенно распространены исследования шаманизма как «эзотической психотерапии», предтечи и аналога консультирования – как «возрожденного шаманизма», как «заклинания неправильным словоупотреблением», а также «духовных аналогов» консультирования и его феноменов [11; 12]. При рассмотрении шаманизма как феномена, существующего внутри той или иной религиозной практики, а также иных феноменов и «психотехнологий» духовного исцеления (медитации, молитвы, т.д.), исследователи указывают, что консультирование и психотерапия, обращенные на раскрытие тайн человеческой души, являются практиками духовного взаимодействия и развития человека. В консультировании как духовной «ментальной» практике, как и в других практиках духовного развития, присутствуют откровения и столкновения с тайнами, ритуалы перехода – возрождения, предполагающие вхождение в медитативное состояние, синхронизмы, сиддхи «яснознания», телепатического общения, волшебные исцеления, особое сакральное переживание времени консультации как места встречи любящих друг друга и/или связанных общекармической (обучения) или дхармической (предназначения) задачей или «матрицей» (родовой и т.д.) душ. В религиозно-ориентированной психотерапии отмечается исцеляющая сила молитвы, исповеди, медитаций. Возникновение «очищающей исповеди» – довольно редкое явление в обычной жизни, которое предполагает полную погружённость специалиста во взаимодействие с собеседником, максимальную искренность и честность. В рамках этого представления психосоциальная работа выступает как помощь человеку, группе людей, семье в переходе из статического состояния в состояние постоянного преобразования. Во время и в месте консультирования как встречного раскрытия душ, как отмечают исследователи транстерапевтических и транскультурных практик консультирования, трансперсонального общения в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, таких его ветвей, как гештальтпсихотерапия, трансперсональная и религиозно-ориентированная, очень важно то, насколько клиент решился «принять правду» своего бытия и того, что он может понять в консультировании – из того что сказал или не сказал, на что намекнул или просто умолчал консультант или сам клиент. Или, в терминах манипулятивного подхода, насколько предлагаемый консультантом психотерапевтический миф, содержащий вымыслы того или иного типа, подходит для того, чтобы «оправдать» бытие клиента. В связи с проблематикой психотерапевтических вымыслов современные исследователи отмечают, что современное время – постмодерн – можно назвать магической эпохой, в которой «расколдовывание» мира привело к усложнению социокультурной действительности, стерлась грань между рациональным и иррациональным, взаимодействие человека с миром приобрело магический характер. Это проявляется и в популярности герменевтических и феноменологических моделей исследования реальности и ее реорганизации, включая консультирование.

Отдельный вопрос связан с исследованиями отношений зависимости–автономности и неподтверждения – подтверждения, в том числе в рамках паритетного, фасилитативного и затрудненного, асимметричного общения, насыщенного «двойными связями», ошибками и барьерами, обусловленными закрытым характером отношений, обедненностью отношений как их односторонностью, недостаточностью или отсутствием в общении обратных связей, неумением общающихся быть партнерами. «Становление партнером» – отдельная часть развития личности, одна из задач (результатов) консультирования и его условий. Кроме измерения доверия, разделения, искренности и недоверия, отчуждения, манипуляций, выделяют отношения понимания и принятия, противопоставляя их отношениям

непринятия и непонимания. Исследуются типы отношений, связанные с более или менее выраженным стремлением понять и быть понятым в диалогическом и монологическом взаимодействии, а также с большей или меньшей социально-психологической компетентностью, включая ее – современное – диалогическое измерение, а также с компетентностью в конфликтных и кризисных ситуациях и в неконфликтных повседневных ситуациях. Важным вопросом является формирование и развитие «психологической культуры» личности как условия и показателя способности субъекта быть консультантом себе и другим. Один из наиболее продуктивных ракурсов исследований – аллологический или ксенологический, изучающий проблемы особенностей дискурсивного взаимодействия субъектов в контексте специфики тезаурусного, нарративного и иных типов понимания, его предметной и дискурсивной специфики, условий и результатов понимания своего и чужого. В понимании чужого как другого и чужого выделяются такие аспекты, как 1) значимость или «объектность», способность другого служить «точкой отсчета» в формировании самопонимания, самораскрытии; 2) чуждость и невозможность полного и действительного понимания другого; 3) диалогичность как событийность и разделенность – пограничность понимания, его случаемость и эмерджентность в диалоге; 4) «доминанты на другом», значимость учета его «диалогической интенции» и важность позиции внаходимости, служащих условиями взаимного понимания; 5) способность другого ограничивать и изменять этим жизнь и смыслы жизни субъекта, определяя его властным усилием или самим фактом своего существования; 6) значимость другого как «объекта» отношений и собеседника [13, 14].

Поскольку в консультировании речь часто идет о развитии самопонимания и о том, что чужим оказывается для человека он сам, то задача специалистов – перевести смутные «ощущения», «интуитивный голос плоти» в понимание, высвободив пространство и время для изменений, преобразования человека. Эффективность и продуктивность профессиональной деятельности в этом направлении во многом зависит от совпадения предметно-деятельностного и ценностно-смыслового аспектов. В эдологической деятельности узлом пересечения данных аспектов выступает понимание специалистом клиента – это основная задача его профессиональной деятельности и сфера наиболее явного проявления ценностного потенциала специалиста как личности. непрофессиональное, повседневное взаимодействие людей выступает как источник всех иных, профессиональных ценностей и ракурсов осмысления человеком себя и мира. Вместе с тем, в процессе становления профессиональной деятельности, выработанные профессионалами процессуальные стереотипы – стратегии – и содержательные стереотипы – схемы – проникают в повседневное взаимодействие, изменяя его: изменяя понимание человеком себя и мира и тем самым – способ бытия человека в мире. Изменяется способ воплощения человеческих ценностей, изменяются и сами эти ценности, связанное с ними понимание субъектами себя и мира, происходит их развитие. Именно поэтому в психосоциальной работе развитие понимания клиентом себя и мира – условие ее успешности и показатель личностного развития.

Основными процессами в практике работы с клиентами являются, таким образом, процессы понимания как (пере)осознания и переработки, изменения индивидуальных способов (путей) жизни, интраперсональных (внутриличностных) и интерперсональных (межличностных) отношений личности. Эти процессы реализуются в ходе работы с индивидом или всей группой; среди них основными являются «понимание для профилактики» (например, проговаривание и выговаривание), в котором доминирующую роль играют процессы осознания и переживания, «понимание для реабилитации» (сопровождающееся феноменами катарсиза, личностных и межличностных изменений на уровне ценностей, способов понимания себя и мира, моделей общения и поведения), в рамках которого акцент смещается на действенные компоненты, а также «понимание для развития» – творение себя и окружающей жизни в диалоге с консультантом [15-18].

Выделенные аспекты консультативного взаимодействия говорят о том, что ситуация взаимодействия клиента и консультанта – универсальна, отражает феномены и тенденции иных ситуаций взаимодействия в наиболее развернутом виде. Социально-психологическое консультирование может быть определено как процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, способов разрешения этих проблем, а также по поводу оптимизации их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации.

Если опираться на результаты исследований социального обмена (разделения) переживаний в дебрифинге и других исследованиях социально-психологического консультирования как обмена или «разделения» субъектами смыслами своей жизнедеятельности, то его успешность связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Оно формируется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями, их смыслами, и развивается в процессе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений. Это проявляется в формировании развернутых, осознанных, обращенных к совместной рефлексии (направленных на совместное исследование) и совместному преобразованию смыслов прямых, обратных и консоционных связей. Обращение к их исследованию по сравнению с изучением «выговаривания» в процессе социального обмена более продуктивно и теоретически, и эмпирически. Поэтому, например, в рамках организационного консультирования, корпоративного тренинга, гораздо реже критикуемого в связи с непродуктивностью и неэффективностью, дебрифинг используется как процедура, позволяющая активизировать и исследовать прямые и обратные связи. Цель активизации и исследования – достижение и развитие взаимопонимания. Обратная связь в консультировании выделяется из простого «социального обмена переживаниями» в отдельный процесс, обеспечивающий реализацию стремлений человека в подтверждении, развитии (изменении) и понятости.

Подведем итог. Социально-психологическое консультирование как особая, развивающаяся область практической деятельности и исследований помощи человеку человеку в решении задач его психосоциального функционирования и развития, особым, диалогическим образом организованное взаимодействие, характеризующееся направленностью на помощь в преодолении проблем и улучшении качества жизни, формирование и развитие взаимопонимания. Успешность социально-психологического консультирования как процесса социального обмена связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Взаимопонимание формируется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями, их смыслами, и развивается в ходе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений. Успешный преобразующий диалог предполагает, что взаимоотношение и взаимопонимание субъектов осуществляется не только в аспекте обучения общению и в аспекте обмена смыслами, но в аспекте ценностей, их трансформации. Трансформация жизненных ценностей и жизнедеятельности субъекта осуществляется в условиях:

- 1) обмена и согласования, конфронтации и исследования, сотворчества смыслов жизнедеятельности субъектов, стремящихся понять и быть понятыми;
- 2) в психологически безопасной (принимающей, подтверждающей, фасилитирующей самораскрытие и направленной на взаимное раскрытие) атмосфере консультирования
- 3) как партнерского, направленного на сотрудничество по поводу изучения и решения конкретных вопросов, фрустрирующего повседневные шаблоны жизнедеятельности, общения
- 4) со значимым (реальным, искренним и аутентичным, включенным в диалог как личность, утверждающим и подтверждающим значимость и существование себя и другого) партнером.

Социально-психологическое консультирование может быть определено как специальным образом организованный процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования и способов решения проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, а также по поводу оптимизации их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации как ее компонентов. Социально-психологическое консультирование осуществляется и/или сопровождается консультантом – психосоциальным работником, задающим его организационные рамки или сеттинг, институционализирующий процессы и феномены социального обмена, типичные для любых взаимодействий и взаимоотношений людей и групп, объективизирующий их таким образом, что они становятся доступны изучению и управляемой трансформации (включая обучение) как со стороны исследователя, так и со стороны самих участников консультирования. В развитии социально-психологического консультирования место консультанта может занимать индивид, семья, группа, организация как субъекты самопомощи и взаимопомощи: специалист в этом случае

лишь сопровождает процесс консультирования, выступая скорее в качестве супервизора для занявших его позицию волонтеров, «опытных клиентов» или «группового консультанта». Разнообразие форм, форматов, парадигм и моделей (школ) социально-психологического консультирования ставит перед исследователями вопросы о том, какие же феномены обеспечивают его успешность: продуктивность и эффективность, – от чего зависят результаты консультирования, не является ли оно «артефактом» социального обмена как такового. Однако, несмотря на множественность школ и подходов, до настоящего времени сфера социально-психологического консультирования не стала предметом целостного, развернутого и системного изучения: ни с точки зрения методологической, ни с точки зрения обобщенных и сравнительных теоретико-эмпирических исследований, направленных на осмысление его специфики, феноменов и механизмов. Об этом говорит и отсутствие четкого и более-менее единообразного определения консультирования и, в том числе, социально-психологического консультирования.

Литература:

1. АРПЕНТЬЕВА, М.Р. *Взаимопонимание как феномен межличностных отношений* (на материале психологического консультирования) / Дисс. ... докт. психол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 497 с.
2. БОНДАРЕНКО, А.Ф. *Психологическая помощь: теория и практика*. Киев: Укртехпресс, 1997. 125 с.
3. БРАТЧЕНКО, С.Л. *Экзистенциальная психология глубинного общения*. Москва: Смысл, 2001. 197 с.
4. ВАСИЛЮК, Ф.Е. Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы. В: *Вестник практической психологии образования*, 2007, № 3, с.27-41; 2007, № 4, с.37-41.
5. ВАЦЛАВИК, П. *Психология межличностных коммуникаций*. Санкт-Петербург: Речь, 2000. 298 с.
6. КАЛИНА, Н.Ф. *Основы психотерапии. Семиотика и психотерапия*. Москва: Рефл-букф, Ваклер, 1997. 270 с.
7. КЕЙСМЕНТ, П. *Обучаясь у пациента*. Москва-Воронеж: МОДЕК, 1995. 256 с.
8. КОЧЮНАС, Р. *Основы психологического консультирования*. Москва: Академический проект, 1999. 240 с.
9. МИНДЕЛЛ, Э. *Психотерапия как духовная практика*. Москва: НФ «Класс», 1997. 160 с.
10. МИНИГАЛИЕВА, М.Р. *Психологическое консультирование: теория и практика*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 609 с.
11. ОЛИФИРОВИЧ, Н.И. *Психологическая помощь студенческой молодежи: системно-аналитический подход*: Монография. Минск: БГПУ, 2012. 224 с.
12. ОЛИФИРОВИЧ, Н.И., ВЕЛЕНТА, Т.Ф., ЗИНКЕВИЧ-КУЗЕМКИНА, Т.А. *Терапия семейных систем*. Санкт-Петербург: Речь, 2012. 570 с.
13. РОДЖЕРС, К.-Р. *Клиентоцентрированная терапия*. Москва: Ваклер, REFL-book, 1997. 320 с.
14. ТОЛСТАЯ, С. Эффективный психолог-консультант: модель личности. В: *Studia Universitatis Moldaviae. Seria «Științe ale educației»*, 2015, №5(85), с.183-193.
15. ФАНЧ, Ф. *Преобразующие диалоги*. Киев: Ника-Центр, 1997. 384 с.
16. ФЛОРЕНСКАЯ, Т.А. *Диалог в практической психологии*. Москва: ИП АН СССР, 1991. 244 с.
17. ЧЕРНИКОВ, А.В. *Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики*. Москва: Независимая фирма «Класс», 2001. 208 с.
18. ЭЙДЕМИЛЛЕР, Э.Г., ЮСТИЦКИЙ, В.В. *Семейная психотерапия*. Ленинград: Медицина, 1990. 189 с.
19. ЯЛОМ, И. *Экзистенциальная психотерапия*. Москва: НФ «Класс», 2000. 576 с.

Prezentat la 03.03.2016